

что «предки гуцулов пришли в горы из мест, расположенных вблизи от большого торгового города, может быть Киева, где они занимались ремеслом» (стр. 150). Искусство ремесленников, работавших на заказ или на рынок, не могло (да и не имело условий) для своего развития. Высокое прикладное искусство горного скотоводческого населения Закарпатья развивалось совершенно на другой базе. Находясь почти круглый год на пастбищах со скотом, мужчины, имея много свободного времени, занимались выделкой и украшением различных вещей домашнего обихода не для рынка, а для себя. Именно на этой почве выросло искусство резьбы по дереву. Художественные вышивки и украшения костюма создавались женской частью населения также не на рынок, не на продажу, а только для себя. Проникновение торгово-капиталистических отношений в среду этого горного населения послужило, особенно за последние 30 лет, причиной полного упадка подобного прикладного искусства. Только теперь, с воссоединением Закарпатья с Украинской ССР, в условиях социализма, для горного населения Закарпатья открылись широкие возможности возрождения своего искусства.

Обращает внимание довольно путаная языковая характеристика населения Закарпатья, изложенная В. А. Анучиным и А. И. Спиридоновым на стр. 93. Здесь имеется только одна правильная мысль: закарпатский язык «в большей мере, чем какой-либо другой из восточнославянских языков, сохранил в себе черты того общего славянского языка, на котором говорили предки русских, украинцев и белорусов во времена Киевской Руси» (стр. 93). Все же остальное так перепутано, что трудно что-либо понять. Например: «наречие лемков и бойков очень напоминает церковно-славянский язык»; «понять наречие бойков и лемков легче, чем понять украинскую речь»; «сохранилось много слов, имеющихся в русском, но которые не попали в украинский», и т. д. Здесь же и прямо противоположное: «Находясь в многовековой зависимости от мадьяр... все же сумели сохранить родной язык, сумели отстоять против мадьяризации, сохранившись как часть украинского народа» (подчеркнуто мной.— И. С.). В следующей фразе тех же бойков и лемков авторы делают на «долишнчан» и «верховинцев», причем утверждают, что только «долишнчане» по языку «ближе всех к русскому языку» (стр. 93). Нет надобности доказывать, что язык закарпатских украинцев в своей основе — украинский. Наличие же местных диалектов, сохранивших древние пережитки, общие для всех восточных славян, и воспринявших в более позднее время словарный материал соседних народов, не дает права делить этот язык на «церковно-славянский» и затем «ближе стоящий к русскому» и т. д. Авторам следовало бы обратиться за консультацией к лингвистам или взглянуть хотя бы в 55-й том Большой Советской Энциклопедии, где на стр. 956—964 дана подробная характеристика украинского языка в целом и закарпатского в частности.

Закарпатские украинцы гордятся своими художниками, поэтами, писателями, профессорами, работающими в Ужгородском университете. В Ужгороде и Мукачеве работает большой коллектив историков, археологов, биологов, зоологов и других специалистов. По всей области в начальных и средних школах трудятся не одна сотня учителей из местных жителей. На транспорте и в промышленности имеются десятки инженеров-специалистов; нельзя забывать и о врачах. Сейчас в условиях строительства социализма этой интеллигенции явно недостаточно, предстоит огромнейшая работа по подготовке новых по качеству кадров советской интеллигенции. Поэтому было бы клеветой утверждать вместе с В. А. Анучиным и А. И. Спиридоновым, что «украинская интеллигенция, как правило, ограничена священниками и учителями» (стр. 100).

В книге В. А. Анучина и А. И. Спиридонова имеется еще много других неточностей и несообразностей. Отметим только два весьма досадных искажения. На стр. 117 и 118, описывая приспособление для складывания сена, авторы называют его «*к о б о р о т*», повторяя этот термин несколько раз, тогда как местное его название «*к о б о р о г*» (или *оборуг*, в зависимости от местного диалекта). На стр. 118 помещено фото с подписью: «заготовка сена на полонинах гуцульщины». В действительности, одежда мужчины и женщины, снятых у копны сена, указывает, что снимок сделан совсем не на «гуцульщине», а в Довжанской долине, т. е. не в восточной части Закарпатской области, а в центральном ее районе. На стр. 161 говорится о преобладании квадратных окон в украинских мазанках Закарпатья. Работая в экспедиции Института этнографии Академии Наук СССР, я посетил в различных частях области 68 сел, где произвел обмер 400 украинских хиж (мазанок и не мазанок), а также сфотографировал около 500 жилищ, но нигде не видел квадратных окон, тем более выходящих на балкон, как это утверждают авторы.

И. Симоненко

Б. Н. Путилов. *Исторические песни на Тереке*. Подготовка текстов, статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1948, 143 стр. («Фольклор Терского казачества», сборник 2).

В отличие от первого выпуска «Фольклора Терского казачества» («Песни гребенских казаков», Грозный, 1946), состоявшего из новых записей песен, сделанных экс-

песнями 1945 г., второй выпуск дает тексты гребенских исторических песен, опубликованные в различных (главным образом дореволюционных) изданиях. Выбор для первого сборника старого терского фольклора именно исторических песен сделан вполне обосновано. Исторические песни — ценнейшее наследство русского фольклора — лучше всего сохранились у казачества, в песенном репертуаре которого они занимают весьма значительное место. Сборников же, дающих полное представление о казачьей исторической песне нет, их тексты разбросаны по различным, часто малодоступным изданиям. Изучение их, как и вообще всей русской исторической песни, до сих пор остается одним из самых слабых участков советской фольклористики; почти все имеющиеся об исторических песнях работы написаны на основе порочной позитивистской методологии так называемой «исторической школы» и нуждаются в строгом критическом пересмотре с марксистско-ленинских позиций. Отсюда понятна важность и своевременность настоящего издания, ставящего своей задачей «дать научно-популярную антологию терской исторической песни, систематизировать и прокомментировать известные материалы, сделать их достоянием широкого читателя и обратить на них внимание специалистов» («Предисловие», стр. 5). Подбор и комментарии текстов сделаны Б. Н. Путиловым, много поработавшим по собиранию терского фольклора.

В целом сборник дает достаточно полное представление о содержании и характере терской исторической песни до второй половины XIX в., но отдельные тексты выбраны неудачно. Рассчитанный на широкого читателя, данный сборник не является сводом всех опубликованных вариантов (перечень их дан в комментариях), тексты даны выборочно, что, конечно, требовало особо тщательного их отбора. Составитель же не всегда подходит к публикуемым вариантам достаточно критически. Не делается никакой разницы между дореволюционными и современными записями, большинство текстов сборника взято из дореволюционных изданий, но некоторые песни даны в записях 1945 г., что, конечно, не может дать правильного представления о песне определенного исторического периода. Правильнее было бы ограничиться в данном издании только старыми записями (указав, какие из этих песен продолжают бытовать и сейчас) или дать параллельно старые и новые записи, что дало бы возможность судить об историческом развитии этих песен и, несомненно, увеличило бы ценность сборника. Не всегда достаточно критически относится составитель к дореволюционным записям, а ведь именно казачьи песни чаще всего подправлялись и фальсифицировались. Это в первую очередь относится к сборнику Панкратова «Гребенцы в песнях», из которого перепечатано довольно много песен (21 из 100). В комментариях к песням о Степане Разине, как и в статье о терских былинах «Ученые записки Грозненского педагогического института», вып. 3, 1947), сам автор справедливо отмечает, что сборник Панкратова в части исторических песен вызывает большие сомнения и указывает некоторые, явно фальсифицированные тексты. Однако в рецензируемом сборнике из книги «Гребенцы в песнях» перепечатаны без всяких замечаний, как не подлежащие никакому сомнению, уникальные песни, кроме Панкратова, никем и нигде не записанные, что, естественно, вызывает сомнение в их подлинности. Определенно сомнительными представляются песни: «Грозный думает об измене Курбского», «Грозный встречается с сыном Курбского» и некоторые другие. Имя Курбского нигде, кроме этих двух песен, в русском фольклоре не встречается (и не могло быть популярным), и уж совсем непонятно, откуда взялся сын Курбского (не из «Бориса ли Годунова» Пушкина он попал к Панкратову?). Давая во вступительной статье определение исторических песен, тов. Путилов справедливо относит к историческим песням только те, которые связаны с конкретными историческими событиями и лицами, и отличает их от лирических песен и баллад, связанных с историей лишь внешним образом. Между тем в сборнике есть лирические песни, в сущности не связанные с определенными историческими событиями. Например, широко распространенная лирическая песня «Не шуми ты, мать зелена лубравушка» включена в данный сборник на том только основании, что в ее варианте (напечатанном опять-таки у Панкратова) имеется имя «Грозного царя Ивана Васильевича». Такая вставка в песню имени чрезвычайно популярного в терском фольклоре Ивана Грозного возможна, но она еще не делает песню исторической, и достаточно было бы указания на это во вступительной статье. Более тщательно следовало бы отнестись к подбору песен XIX в.

Самым же важным недостатком разбираемого сборника является ограничение материала половиной XIX в. Это связано с убеждением тов. Путилова, что историческая песня у казачества жила и интенсивно развивалась только до половины XIX столетия, а в крестьянской среде широкое развитие этого жанра прекратилось с середины XVIII в., после чего начинает быстро развиваться песня солдатская (см. вступительную статью, стр. 9). Такое деление песен на исторические и солдатские идет от неизжитых еще установок дворянских и буржуазных фольклористов, старавшихся отвлечь внимание от современного положения народа и третировавших песни о современных исторических событиях, высказывавшие нередко негодные господствующему классу суждения, как грубые малоценные образцы солдатского (а не народного) творчества, не заслуживающие даже названия исторических (на том же основании не признавались историческими и песни о Степане Разине, презрительно именовавшиеся разбойничьими). Между тем историческая народная песня продолжала

жить и развиваться. Сам тов. Путилов записал у гребенских казаков в 1945 г. и напечатал в своем первом сборнике песни о русско-японской войне, однако в данном сборнике он их не только не перепечатал, но даже и не упомянул о них.

Во вступительной статье, несмотря на ее небольшой объем и популярный характер, тов. Путилов ставит очень важные проблемы, связанные с изучением исторических песен и старается разрешить их по-новому. Он говорит об исторических песнях как новом жанре, возникающем в связи с развитием русского национального государства. Их отличие от былин (с которыми раньше историческая песня неправильно связывалась генетически) он видит в том, что они соответствуют различным этапам истории русского народа и его сознания и по-разному отображают историческую действительность. Это определяет и их художественные особенности — былина в своей основе фантастична, историческая песня — реалистична (непонятно только, что хочет сказать автор оговоркой: «хотя реализм ее особый, фольклорный», стр. 8. Что это за особый реализм и каковы его качества, в статье не расшифровывается).

В отличие от прежних формалистических работ тов. Путилов основное внимание уделяет идейному содержанию исторических песен и показывает их тесную связь с бытом и идеологией терского казачества. Такой подход к историческим песням является единственно правильным. Однако полностью освободиться от старых представлений тов. Путилов не смог. Уже в самом начале статьи, где дается определение исторических песен, мы встречаемся с идущим от Веселовского понятием некоего «лиро-эпического жанра», который, как видно из комментариев, тов. Путилов считает первоначальным образом исторической песни. Указав совершенно правильно на принципиальные отличия исторической песни от былины, тов. Путилов (как и представители «исторической школы») все-таки сопоставляет историческую песню именно с былинной и почти ничего не говорит о теснейшей связи терской исторической песни с лирической (а в более ранней вступительной статье к «Песням гребенских казаков» 1946, близость исторической песни к лирической была показана им достаточно убедительно). Особенно же чуждая нам методология дает себя чувствовать в комментариях, где говорится о мотивах, их комбинациях, былинных зачинах, былинной экспозиции и т. п., а в комментариях к песне «Терские казаки и Грозный» (пожалование Терек) совершенно в духе «учения» Веселовского о происхождении эпоса утверждается, что эта песня «в стилевом отношении представляет наиболее ранний образец исторической лиро-эпической песни». Кстати, едва ли эта песня возникла в XVI в., как то думает тов. Путилов, ведущий от нее начало терского фольклора. Вероятно, эта песня, широко распространенная как у терских, так и у донских казаков, возникла в начале XVIII в., когда казачество, выступая против мероприятий правительства, ссылается на свои исконные права и привилегии и подкрепляет эти ссылки авторитетом Грозного.

Все это свидетельствует о том, что борьба с враждебными марксизму-ленинизму течениями в фольклористике еще не закончена и не может быть ослаблена, отдельные положения разоблаченной школы Веселовского еще не изжиты и дают себя чувствовать даже в работах молодых советских фольклористов, стоящих в основном на верных позициях.

В. Соколова

Народное творчество Южного Урала. Вып. 1. Записал И. С. Зайцев. Под ред. и с предисловием В. М. Сидельникова. Челябинск, 1948, 159 стр.

Вышедшая недавно в Челябинском областном издательстве книжка «Народное творчество Южного Урала» знакомит с дореволюционным фольклором старейшего русского горнопромышленного района (записи советского фольклора обещано дать следующим выпуском) и, несомненно, привлечет внимание как массового читателя, так и специалиста. Для этнографа и фольклориста промышленный Южный Урал представляет огромный интерес, материал же здесь собирался не систематически, случайно и разбросан по местным периодическим изданиям. Представители дореволюционной буржуазной науки бежали подальше от промышленных центров, от «тлетворного, разлагающего», по их терминологии, влияния фабрик и заводов; после Великой Октябрьской социалистической революции материалов по Южному Уралу (Челябинская область) также было издано немного. Книжка И. С. Зайцева в некоторой степени восполняет этот пробел. Она, поскольку это позволяет небольшой объем, дает представление о разнообразных видах поэтического творчества уральских рабочих и крестьян до революции. Изданный материал в течение долгого времени с любовью собирался местным краеведом-фольклористом И. С. Зайцевым, много ценного материала записано им от бабушки Е. В. Зайцевой, превосходного знатока старых крестьянских обычаев и фольклора и создательницы новых песен и сказов. Не все, конечно, здесь одинаково ценно. Лучше всего представлена обрядовая поэзия (полная запись уральской свадьбы, календарные праздники), интересный материал приведен о гуляньях молодежи. Несомненную ценность представляют записи ряда песен (исторических и лирических) и народной драмы. Гораздо слабее и однообразие представлены в книжке сказки, рабочие сказы, песни в частушки.

Однако советский читатель вправе требовать, чтобы ему не только давали сырой (пусть и интересный) материал, но и правильно оценивали, анализировали его, помо-